

ГЛАЗА БОГА

Рассказано тем, кто слышал тишину

Андрей Маклов

Глаза Бога

<https://litres.ru/74038426>

SelfPub; 2026

Аннотация

Этот роман был написан не только словами, но и тишиной, не только светом, но и тенями, в которых скрываются самые глубокие страхи и надежды. Сэм — не просто герой, он — отражение внутренней борьбы каждого человека между светом и тьмой.

Андрей Маклов

Глаза Бога

Слово автора

Этот роман был написан не только словами, но и тишиной, не только светом, но и тенями, в которых скрываются самые глубокие страхи и надежды. Сэм — не просто герой, он — отражение внутренней борьбы каждого человека между светом и тьмой....

Понедельник

— Вставай, малыш Сэм, — прошептала Мэри, наклоняясь к самому уху и мягко улыбаясь. — А то опоздаешь в школу.

Сэм сонно зажмурился, будто слова её — часть сна, тёплого и невесомого. Одеяло было прохладным снаружи и уютным внутри, и мир безмолвно уговаривал его остаться. Но Мэри уже поднималась, поцеловав сына в лоб.

— Вставай, вставай, маленький негодник, — сказала она громче, — я сейчас приготовлю завтрак, а ты — марш умываться.

Сэм полежал ещё чуть-чуть, уткнувшись носом в подушку, и наконец вынырнул из полусна. Голый пол встретил ступни холодом, окно над кроватью было запотевшим, с бледным отблеском рассвета. В ванной плескалась вода, и дом понемногу просыпался — скрипели ступени, гремела

сковорода, где мама уже готовила что-то сладкое.

На кухне пахло корицей и молоком.

Джон сидел за столом, как всегда утром, не выказывая ни усталости, ни бодрости. Газета, кофе — и ровный, тяжёлый взгляд, скользнувший по Сэму, как по незаметной детали пейзажа.

— Опять проспал, — пробурчал он, не отрываясь от страницы.

Сэм молча опустился на табурет. Перед ним — дымящиеся оладьи с маслом, тёплое молоко, рядом — мама, поправляющая салфетку у его локтя. Джон не завтракал — никогда. Он выпивал две чашки чёрного кофе, потом поднимался, надевал куртку, и уходил в машину, не глядя по сторонам.

— Сэм, я жду тебя в машине, — сказал он, выходя.

— Малыш Сэмми, поторопись, а то папа будет злиться, — сказала Мэри поправляя воротник на его рубашке. Поцеловала в лобик, как утром. — Давай, мой хороший.

На улице ещё лежал утренний иней, свет был тусклым, как в подвале, и небо — равномерно серое, как крышка кастрюли. В машине было тихо. Радио играло приглушенно: какие-то проповеди, потом старые песни, скрежет ведущего.

Джон молчал.

Сэм смотрел в окно.

Они подъехали к школе, и Джон сказал:

— Учись хорошо.

Машина тут же уехала, оставив за собой запах бензина и

глухое урчание мотора.

В школе Сэму нравилось — по-своему. Там было ярко, шумно, тепло, пахло мелом, бумагой и старым деревом. Но больше всего Сэм любил смотреть на Элизабет. Она сидела у окна, с прямой спиной и тонкой шеей, и у неё всегда были аккуратно заплетены волосы. Когда она поднималась к доске, Сэм замирал. Он слушал не слова, а то, как она дышит, как держит руки, как улыбается, если правильно ответит. Когда Элизабет писала в тетради, Сэм смотрел на движения её запястья и представлял, как эти линии появляются одна за другой, как она пишет его имя — Сэм.

На большой перемене он сидел один, но иногда краем уха улавливал её голос — звонкий, как стеклянный шарик, катящийся по полу. Он не решался подойти, не знал, что сказать. Иногда ему казалось, что она глядит на него — коротко, неуверенно, и это было похоже на электрический ток. Всё внутри замирало.

После уроков Сэм долго собирал вещи, лишь бы успеть посмотреть, как она уходит — тонкая, с рюкзаком на одном плече, в светлом шарфике, который трепал ветер.

У калитки его уже ждал Джон.

Опять машина, опять тишина, и те же десять минут дороги. Дом встретил их темнотой: мать ещё не вернулась из магазина. Джон пошёл в мастерскую, Сэм — в свою комнату. Там пахло деревом, пылью и чем-то ещё, неуловимым — будто от стёртой резинки или забытого лета.

Он лёг на кровать и долго смотрел в потолок. Вечер понемногу наползал на стены, а в окне зажигались фонари. Когда мама вернулась, дом ожил, на кухне закипела кастрюля. Сэм пошёл помогать, и Мэри улыбнулась ему — устало, но ласково. За ужином Джон говорил мало. Мама спрашивала про уроки, Сэм отвечал коротко. Он чувствовал: день заканчивается. Завтра будет вторник.

А сейчас — тихая ночь, шелест за стенами, и голос мамы, поющий себе под нос, разбирая посуду.

Вторник

Окно было приоткрыто, и Сэм проснулся от запаха дождя — словно в комнате кто-то развесил мокрые полотенца в сером лесу. За окном шумел утренний ветер, гулкий и тоскливый, будто море подошло к самому дому и качает его своими волнами. Сэм лежал под одеялом и слушал. Мама уже двигалась на кухне — её шаги были мягкими, почти неслышными, и всё же он знал: это она, не папа. Папа ходил иначе — шаг твёрдый, прямой, как будто давил пяткой на землю.

— Подъём, Сэмми, — позвала она через дверь. — Умыться и вниз. Сегодня овсянка с яблоками.

Он медленно поднялся, потянулся, скинул одеяло. В комнате было зябко. На подоконнике лежал краешек осеннего неба, в нём плавали тяжёлые тучи — свинцовые, медленные.

В ванной зеркало запотело. Сэм провёл по нему ладонью, увидел своё лицо — светлые волосы — прямые, тонкие, всегда немного растрёпанные. Лицо — худое, с чуть выдающи-

мися скулами, веснушки на носу. В глазах — синева, но не яркая, а серая, как утреннее небо перед дождём. Он не был ни шумным, ни особенно застенчивым. Просто тихим. Внимательным. В нём было что-то старше возраста — не словами, а в выражении взгляда, в том, как он долго задерживал дыхание перед вопросом, как будто всё внутри него было хрупким, и он боялся, что что-то может рассыпаться.

На кухне Мэри уже хлопотала. Она была в своём голубом переднике, с запахом ванили и мыла. У неё были тонкие, лёгкие руки, будто созданные для шитья и ласки. Волосы, пшеничные и мягкие, она обычно закалывала в узел на затылке, но к утру он всегда распускался и выбивался мягкими прядями на висках. В её лице было что-то светлое, почти юное, несмотря на усталость — возможно, из-за больших зелёных глаз, немного грустных, но всегда добрых.

Сэм любил наблюдать, как она готовит — плавно, без лишних движений, словно танцует. Иногда он думал, что если бы кто-то другой был его матерью, ему пришлось бы учиться любить заново. А Мэри он любил просто — как дышит.

— Как спалось, мой хороший?

— Нормально, — пробормотал он.

Джона на кухне не было. Лишь его чашка уже стояла, наполовину полная, с тусклой ложечкой внутри. Газета лежала на столе.

— Он уехал пораньше, — сказала Мэри, как бы отвечая

на невысказанный вопрос. — Говорил, много работы. Я тебя сама отвезу.

Она поставила перед ним тарелку с кашей. Сэм ел молча, под музыку радио — там пела женщина, тихо, на старой пластинке, голос был будто из другого времени. Он смотрел, как на подоконнике дрожат стеклянные капли, и чувствовал, как тихо всё внутри.

Дорога в школу заняла чуть дольше обычного. Машина скользила по лужам, дворники лениво шевелились. Мама говорила что-то о покупках, о том, как подорожало масло, и что нужно не забыть про ярмарку в конце недели. Сэм слушал вполуха, глядя в окно.

На уроках шёл дождь. Учитель математики уронил мокрую тряпку, когда объяснял дроби, и испачкал ботинки — все засмеялись, Сэм тоже, но скорее из вежливости. Мысли всё время ускользали — то к Элизабет, то куда-то дальше. Она сегодня была в сером платье, сидела, опустив глаза, будто сама была частью дождя. Когда она подняла взгляд, их глаза встретились. И Сэм вдруг почувствовал — как кровь ударила в уши, как сердце пошло быстрее, и сразу отвернулся.

На перемене он стоял у окна. Пальцы на стекле оставляли следы, а за стеклом всё таяло в мокрой дымке — деревья, машины, силуэты прохожих.

В голове крутилась мысль: что было бы, если бы он подошёл к Элизабет и сказал ей что-то простое, обычное, как

«привет»?

Но он не подошёл.

После школы Мэри не сразу приехала. Он стоял под навесом, пока дождь не утих. Мимо проходили дети с зонтами, кто-то смеялся, кто-то шлёпал по лужам. Он был один. Когда старая синяя машина наконец остановилась у ворот, Сэм сел молча, немного дрожа от сырости.

— Прости, задержалась, — сказала Мэри. — У аптеке была очередь. Всё хорошо?

Он кивнул. Они ехали домой тихо, лишь печка гудела под панелью, гоняя по салону тёплый воздух.

Вечером Мэри пекла хлеб. Дом наполнился запахом дрожжей и молока. Сэм делал домашнее задание за кухонным столом, иногда отвлекаясь на шорох дождя за окном. Мама что-то напевала, и от этого становилось спокойно. Он смотрел, как она месит тесто, и думал, что она — как свет. Не яркий, не ослепительный, а тот, что не видно, но по нему чувствуешь, что жив.

Когда наступила ночь, и дом стал тише, Сэм лег в кровать, натянув одеяло до подбородка. Он слышал, как капли стучат по крыше. Где-то скрипнула дверь. Потом всё стихло.

Он подумал о школе, о том, как Элизабет улыбнулась, и о том, что будет завтра. Завтра — среда.

И с этой мыслью уснул.

Среда

Сэм проснулся от солнца — редкое, чистое, оно прорыва-

лось сквозь занавеску и полосой легло на его одеяло. Было тихо. Никакого дождя, ни ветра — только утро, будто вымытое изнутри. Он ещё немного полежал, слушая, как что-то гремит на кухне. День начинался почти как сон.

В коридоре пахло грушами. Вероятно, Мэри сварила компот или, может, нарезала свежие, как она любила — на белое блюде, тонкими дольками, будто солнечные лодочки.

Он встал, натянул свитер — мягкий, чуть растянутый, с дыркой у локтя. Обул тапки и вышел в коридор.

Мама, как всегда, улыбнулась.

— Доброе утро, Сэмми. Сегодня на завтрак — гренки и груши.

Он сел за стол. За окном уже звучали птицы — редкие и робкие, как будто проверяли, можно ли петь после двухдневного дождя.

— Сегодня потеплеет, — сказала Мэри, подавая ему чай. — Возьми куртку полегче. А после школы зайди в бакалейную, я оставила там пакет, только скажи, что от Мэри Ховард.

Джона на кухне не было. Он уехал ещё раньше, чем обычно. Иногда казалось, что он просто растворялся до рассвета, оставляя после себя только чашку с кофе, недопитую, с отпечатком его пальцев на ручке. Но в этом была своя предсказуемость. Так легче.

В школе всё шло по кругу — алгебра, история, чтение.

На перемене Сэм сидел на подоконнике, глядя на школь-

ный двор. Там играли в мяч — громко, с выкриками и смехом, но он не присоединился. Было хорошо просто смотреть, как солнечные блики пляшут по стеклу, как листья на деревьях чуть дрожат от лёгкого ветра.

Когда пришла Элизабет, он сразу заметил. Она вошла тихо, волосы были заплетены в косу, в руках — книжка в обложке.

Они сидели рядом на литературе, хотя и не разговаривали. Учитель читала вслух — старую сказку, про мальчика, который ушёл из дома искать звезду. Сэм слушал и ловил каждое слово. Ему казалось, что сказка — про него. Или почти.

Когда прозвенел звонок, он почувствовал сожаление. Хотелось, чтобы всё это — класс, книга, её дыхание рядом — длилось чуть дольше.

После школы он зашёл в бакалейную, как просила мама. Продавец знал его по имени, протянул пакет, не задавая вопросов.

На обратной дороге он шёл медленно, наблюдая за тем, как солнечный свет пробивается сквозь ветви, как играют дети, как в окне булочной вывешивают свежеиспечённые пироги.

Дома всё было по-прежнему. Мэри пела — тихо, будто для себя. Вечером они вместе ужинали — запеканка и компот. Потом он делал уроки, пока она вязала. Они сидели в

одной комнате, и от этого становилось очень спокойно, как будто дом сам обнимал их обоих.

Когда Джон вернулся домой, прихожая сразу наполнилась его присутствием — тяжёлым, сухим, как старая земля. Он был высоким, сутуловатым, с руками испачканными маслом.

У него были узкие глаза — серые, почти бесцветные, с холодным блеском. Волосы подстрижены коротко, как у солдата. На подбородке — вечная щетина, а на лице — почти никогда не было улыбки, разве что в уголках губ, когда он смотрел на машину, которую только что починил. Он пах бензином и пеплом, курил часто и глубоко.

Сэм всегда знал — когда Джон дома, нельзя быть слишком громким, нельзя мешать. Лучше не спрашивать, не спорить. Джон был как стена — не злая, просто глухая. И рядом с ним всё становилось тише, как будто дом знал: нужно притихнуть.

Он прошёл мимо, не сказав ни слова. Сэм услышал, как он захлопнул дверь в спальню. Мэри лишь подняла глаза и снова опустила их в вязание.

Поздно вечером Сэм лёг в постель. На подоконнике остался кусочек неба, на котором уже бледнели звёзды.

Он подумал:

«Если бы можно было остановить день... вот такой, как сегодня. Просто держать его в ладонях и не отпускать».

Но сон уже тянул за собой, тихо, незаметно.

И вскоре Сэм спал.

Четверг

Четверг начался с запаха тостов.

Сэм проснулся ещё до будильника. Солнечный свет уже наполнил комнату и лежал на полу длинными золотыми прямоугольниками. За окном было так тихо, что он слышал, как где-то на соседней улице хлопнула дверца автомобиля.

Он открыл глаза, и некоторое время просто смотрел в потолок.

Дом ещё не совсем проснулся.

Только из кухни доносилось лёгкое позвякивание посуды и приглушённое радио, которое мама всегда включала по утрам. Оно играло негромко, словно боялось разбудить кого-нибудь раньше времени.

Сэм перевернулся на бок.

На тумбочке лежала книга, которую он читал перед сном. Между страниц торчала старая открытка вместо закладки.

Он взял её в руки.

На открытке был маяк.

Высокий белый маяк у моря.

Сэм любил смотреть на него и представлять далёкие места, где никогда не был.

Места, где никто его не знает.

Где можно начать жизнь заново.

Впрочем, такие мысли приходили редко.

И впереди был обычный школьный день.

Он встал с кровати и подошёл к окну, небо было чистым.

Лишь несколько облаков лениво плыли над городом. Во дворе мистер Купер уже копался в своём саду. Старик всегда просыпался раньше всех. Рядом с забором сидел рыжий кот.

Сэм улыбнулся. Кот выглядел так, будто тоже собирался на работу. На кухне пахло хлебом. Когда Сэм спустился вниз, мама как раз доставала из духовки булочки. Тёплый пар поднимался над противнем. Вся кухня была наполнена уютным сладковатым ароматом.

— Доброе утро, Сэмми, — сказала Мэри.

— Доброе.

— Сегодня решил проснуться самостоятельно?

— Да.

Она улыбнулась.

Перед ним появилась кружка чая, булочка и блюдо с яблочным джемом. За окном птицы перекликались между собой в ветвях клёна.

— После школы не забудь купить молоко, — сказала мама.

— Хорошо.

— И хлеб.

— Хорошо.

— И постарайся не забыть молоко из-за своих книг.

Сэм засмеялся.

— Постараюсь.

На кухне не хватало только Джона, но это было привычно, он уехал ещё затемно, на столе осталась его чашка.

Пустая.

И сложенная газета.

След его присутствия.

Не больше.

После завтрака Сэм взял рюкзак и вышел на улицу, утро было удивительно тёплым и солнце уже нагрело асфальт. В воздухе пахло свежее скошенной травой. В этот раз Сэм решил поехать в школу на велосипеде, он любил наблюдать за дорогой и это его всегда веселило

Кто-то спорил.

Кто-то смеялся.

Кто-то доедал завтрак на ходу.

Иногда ему казалось, что каждая жизнь похожа на книгу и если смотреть достаточно внимательно, можно угадать её сюжет. Школа встретила привычным шумом. Голоса учеников эхом разносились по коридорам. Хлопали дверцы шкафчиков. Преподаватели переговаривались возле учительской.

Первым уроком была история.

Потом математика.

Потом литература.

Но весь день для Сэма оказался связан с одной деталью с Элизабет он заметил её ещё утром. Она стояла возле окна в коридоре и читала книгу, солнечный свет падал на её волосы и от этого они казались почти золотыми.

Она подняла голову.

Увидела его.

Улыбнулась.

Совсем чуть-чуть.

Но этого хватило.

Сэм почувствовал, как внутри что-то потеплело.

На уроке литературы они сидели рядом. Учитель рассказывал о старом романе. Большинство учеников скучало, кто-то рисовал в тетради, кто-то смотрел в окно.

Никто в классе особенно не замечал его. Но когда он смеялся — а это бывало редко — смеялись и другие, хотя не всегда понимали, почему

После уроков он задержался возле школьных ворот, Элизабет ушла с подругами. Сэм смотрел ей вслед до тех пор, пока она не скрылась за углом.

По дороге он заехал в магазин купив молока, хлеба и ещё маленький шоколадный батончик, на свои карманные деньги.

Для себя.

Иногда можно было позволить такую роскошь.

Когда он вернулся, дом встретил его запахом супа. Мама готовила ужин. Из гостиной доносилось тиканье часов. Самое обычное вечернее спокойствие, Сэм сделал уроки, немного почитал. Потом помог накрыть на стол. За ужином они говорили о пустяках о погоде о школе о соседях о новом фильме, который собирались показывать в кинотеатре. Ничего особенного. Но именно такие разговоры позже вспоминаются чаще всего. Когда за окном окончательно стемнело,

Сэм поднялся в свою комнату и открыл окно, внутрь проник прохладный вечерний воздух.

Где-то далеко лаяла собака.

Светились редкие окна.

Город постепенно засыпал.

Он лёг в кровать.

Долго смотрел на потолок.

Думал об Элизабет.

О школе.

О предстоящих выходных.

О том, как хорошо было бы однажды увидеть море, настоящее, бескрайнее.

Сон пришёл медленно.

Незаметно.

Словно кто-то осторожно накрыл его тёплым одеялом.

И ещё один день закончился, обычный, спокойный и счастливый.

Из тех дней, которые человек не ценит, пока они не становятся воспоминанием.

Пятница

Утро пришло в дом тихо, почти незаметно. Оно не ворвалось солнечными лучами, как в среду, не стучало дождём в окна, как во вторник. Оно просто возникло — сероватое, прохладное, наполненное каким-то странным ожиданием.

Сэм открыл глаза ещё несколько секунд он лежал неподвижно, глядя на потолок. Старые доски были испещрены тонкими трещинами. За эти годы он выучил почти каждую из них. Одна напоминала ему реку на карте, другая — дерево без листьев.

Дом ещё спал.

Или ему так казалось.

Потом где-то внизу скрипнула половица, звякнула чашка, послышался негромкий мамин голос. Она снова напевала.

Сэм закрыл глаза и прислушался.

Мэри всегда пела одинаково. Негромко. Почти шёпотом. Будто разговаривала не с людьми, а с самим домом.

Он услышал запах раньше, чем окончательно проснулся.

Поджаренный хлеб.

Апельсиновая цедра.

Кофе.

И что-то сладкое.

Наверное, яблочный джем.

Сэм сел на кровати и потёр глаза.

За окном небо было светлым, но солнце ещё пряталось за облаками.

Он натянул штаны, надел школьную рубашку и спустился вниз.

На кухне было тепло.

Мэри стояла у плиты.

На ней был светло-зелёный фартук с маленькими ромашками.

Увидев сына, она улыбнулась.

Как всегда.

Как будто улыбка была её второй природой.

— Доброе утро, мой мальчик.

— Доброе утро, мам.

— Выспался?

— Да.

Она поставила перед ним тарелку с тостами.

Рядом лежали дольки апельсина.

Яркие.

Почти солнечные.

— Ешь, пока не остыло.

Сэм сел за стол.

За окном пролетела стая птиц.

Их тени скользнули по стеклу.

На мгновение часть кухни потемнела. Потом снова наполнилась светом.

— Всё в порядке? — спросила Мэри, присаживаясь рядом.

Сэм поднял глаза.

Иногда ему казалось, что мама видит его насквозь.

Будто знает все мысли ещё до того, как он успевает их произнести.

— Да.

— Точно?

Он кивнул.

Но внутри всё равно что-то тревожило.

Последние недели были странными.

Отец стал ещё более молчаливым.

Мама чаще уставала.

А сам Сэм всё чаще чувствовал непонятную тяжесть.

Словно стоял на берегу и видел приближающийся шторм.

Хотя море ещё оставалось спокойным.

— Папа уже уехал? — спросил он.

Мэри на секунду замолчала.

Совсем ненадолго.

Но Сэм заметил.

— Да. Очень рано.

— В гараж?

— За запчастями. Потом в мастерскую.

Она попыталась улыбнуться.

Получилось.

Но не так легко, как раньше.

Под её глазами появились тонкие тени.

Сэм вдруг подумал, что мама выглядит уставшей, по-настоящему уставшей.

Не сегодня.

Не вчера.

Наверное, уже давно.

Просто раньше он этого не замечал.

После завтрака он взял рюкзак,

Мэри проводила его до двери, как делала это всегда.

— Хорошего дня.

— Спасибо Мама.

Она в очередной раз поправила воротник его рубашки.

И на секунду положила ладонь ему на щёку.

Тёплую.

Мягкую.

Родную.

Тогда Сэм ещё не знал, что однажды будет вспоминать именно такие моменты.

Не праздники.

Не подарки.

Не большие события.

А вот это простое прикосновение.

Мамину ладонь на щеке.

На улице было прохладно.

Сэм пошёл пешком.

Воздух пах влажной землёй и дымом из печных труб.

Город просыпался медленно.

Старик выгуливал собаку.

Почтальон раскладывал газеты.

У булочной уже собралась очередь, оттуда тянуло свежим

хлебом.

Сэм любил этот запах, он всегда напоминал ему о чём-то хорошем.

О безопасности.

О доме.

Он шёл медленно, пинал мелкие камешки носком ботинка, смотрел на окна домов, на деревья, на небо.

Ему нравились такие утра.

Когда можно просто идти и думать.

Иногда ему казалось, что взрослая жизнь — это что-то очень далёкое и будто она существует где-то за горизонтом.

В школе всё было как обычно.

Первый урок — история.

Потом математика.

Потом литература.

Учителя говорили, мел скрипел по доске, звенели звонки, одноклассники смеялись и обсуждали фильмы, спорт

музыку и выходные.

Но Сэм сегодня думал о другом, он ждал литературу, сам не признаваясь себе почему.

Когда прозвенел звонок, он сразу посмотрел на дверь и увидел её.

Элизабет.

Она вошла в класс вместе с подружкой, смеялась. Что-то рассказывала.

Светлые волосы падали ей на плечи.

На ней был голубой свитер. Тот самый. Его любимый.

Сэм быстро отвёл взгляд.
Сердце почему-то забилося быстрее.
Глупо.

Очень глупо.

Но он ничего не мог с этим поделать.
На уроке учительница попросила нескольких учеников

прочитать стихи и когда очередь дошла до Сэма, он встал:

Руки немного дрожали.

Он начал читать.

Сначала неуверенно.

Потом спокойнее.

Потом слова сами потекли вперёд.

Когда он закончил, в классе стало тихо.

Всего на секунду.

Но эту секунду он запомнил.

Потому что после неё услышал голос Элизабет.

— Красиво получилось.

Она сказала это негромко.

Но для него эти слова прозвучали громче школьного звонка.

Он улыбнулся.

Совсем немного.

— Спасибо.

Элизабет улыбнулась в ответ.

И этого оказалось достаточно, чтобы остаток дня стал светлее.

После уроков они вместе вышли из школы.

Не специально.

Так получилось.

Некоторое время шли рядом.

Молча.

Потом Элизабет спросила:

— Ты любишь читать?

Сэм удивился.

— Наверное.

— Наверное?

Она рассмеялась.

— Обычно люди знают.

— Тогда люблю.

— Что читаешь?

Они разговаривали всего минут десять.

О книгах.

О фильмах.

О музыке.

О погоде.

О всяких пустяках.

Но Сэму казалось, что это самый важный разговор за последнее время.

Потом их дороги разошлись.
Она махнула рукой.

— Пока, Сэм.

— Пока.

Он смотрел ей вслед ещё несколько секунд.
Пока она не скрылась за углом.
Дом встретил его запахом запечённой курицы
и яблок.

Мэри была на кухне.

В радиоприёмнике тихо играла музыка.

— Как школа?

— Нормально.

— Просто нормально?

— Хорошо.

— Мэри улыбнулась.

Сэм помог накрыть на стол.

Потом сделал уроки.

Сумерки медленно наполняли улицу.

Загорались фонари.

В соседнем доме кто-то играл на пианино, простую мелодию
немного грустную, но в тоже время красивую

Мэри вязала кресле.

Иногда поднимала глаза на сына и улыбалась.

Им даже не нужно было разговаривать, достаточно было
просто находиться рядом.

Джон вернулся поздно, когда за окном уже окончательно
стемнело.

Хлопнула входная дверь, тяжёлые шаги, запах бензина и
холодного воздуха. Он вошёл на кухню.

Усталый.

Мрачный.

Молча сел за стол.

Мэри поставила перед ним ужин.

Он кивнул и больше ничего не сказал.

Тишина стала другой.

Тяжёлой.

Натянутой.

Будто кто-то невидимый сидел между ними.

Сэм почувствовал это сразу.

Как чувствуют приближение грозы.

Хотя небо ещё остаётся ясным.

Поздно вечером он лёг в кровать за окном мерцали редкие звёзды.

Ветер слегка шевелил ветви старого клёна и дом поскрипывал.

Дышал.

Жил своей ночной жизнью.

Сэм лежал под одеялом и думал об Элизабет.

О её улыбке.

О голосе.

О том, как она сказала:

«Красиво получилось».

Ему хотелось верить, что таких дней будет ещё много.

Что впереди только хорошее.

Что мама всегда будет рядом.

Что дом останется домом.

Что мир останется понятным и безопасным.

Он ещё не знал, насколько хрупкими бывают такие надежды.

Именно поэтому они были такими прекрасными.

Постепенно глаза начали закрываться.

Мысли растворились.

И вскоре Сэм уснул.

Суббота

Сэм проснулся от звона — металла о бетон, как по команде: грох, глухой удар, переговоры сквозь приоткрытое окно. Улица уже дышала жиром и машинным маслом, воздух был наполнен тяжёлым шумом мужских голосов и сдавленного смеха. Внизу, за домом, начинался новый день — рабочий, пропитанный потом.

— Сэм, вставай, папа уже тебя ждёт, — сказала Мэри, стоя в дверях спальни. Она была в домашнем халате, волосы заколоты небрежно, под глазами лёгкая тень усталости.

Он умылся, быстро натянул старые джинсы, вытер ладонью испарину с лица и вышел через заднюю дверь.

Автосервис отца располагался в большом ангаре с жёлтым фасадом. Летом двери держали распахнутыми — чтобы не задыхаться. Сегодня в сервисе уже работали двое механиков: Ларс, высокий, рыжий, в майке без рукавов, и Курт, с налитыми глазами и тяжёлой походкой.

— Поддай ключ на тринадцать, — бросил Джон, даже не взглянув.

Сэм знал, куда идти, знал, где что лежит, знал, когда молчать. Субботы у отца были не отдыхом, а службой. Тут не было разговоров, не было детства. Тут надо было быть полезным. Сэм всё это чувствовал кожей.

Он мыл детали в старой ванне с керосином, подметал пол, залезал под машины, держал фонарь, стоял рядом, когда отец матерился, неудачно ударившись головой. Ловил взглядом, как тот скрипит зубами, когда не откручивается болт.

В обед они ели молча. Отец пил кофе, Сэму Мэри приносила бутерброды с сыром, завёрнутые в пергамент.

— Молчи и делай — вот что тебе в жизни поможет, — сказал однажды Джон, когда Сэм нечаянно уронил гаечный ключ. Слова эти как будто застряли в нём надолго, как гвоздь в доске.

К вечеру руки у Сэма были все в мазуте. Запах въелся в кожу, в ногти, в волосы. Он возвращался домой, будто из другой жизни, другой роли. Как будто он там был не сыном, а чем-то вроде тени. Помощником, по долгу.

Мэри встретила его на крыльце с полотенцем.

— Пошли, поможем тебе отмыться. А потом я испеку яблочный пирог, как ты любишь, хорошо? — её голос был как тонкая ниточка в темноте, как свеча.

Он сидел, пока она мыла ему руки, пальцы, подушечки ладоней, как когда-то в детстве, после игры в песке. Сэм молчал. Он всегда молчал по субботам. Они не для слов.

Когда он лёг спать, во дворе ещё гудели машины — кто-то не успел уехать. Отец остался допоздна, как обычно.

Сэм лежал в постели с открытыми глазами и смотрел в потолок. Субботы всегда были тяжёлые. Но воскресенья — другие. Гораздо тише и страшнее.

Воскресенье

Утро было медленным, как молитва. Сквозь занавески проникал мягкий свет, пылинки в нём кружились, будто благодатные мошки. Воскресенье всегда приходило особым —

в доме было тише, даже дыхание становилось осторожнее.

Мэри уже на кухне, пахло горячем хлебом и изюмом. Сэм спустился босиком, остановился в дверях — мать стояла у плиты в высоком фартуке, что бы сберечь белое платье, которое надевала именно для воскресений. Оно было простое, с кружевами по подолу и выгоревшими швами на плечах.

— Доброе утро, малыш, — сказала она тихо. — Мы сегодня не торопимся.

Джон сидел за столом и читал Библию. Страница шуршала, как листва под сапогом. Его лицо было серьёзным, сосредоточенным. Он носил своё воскресное пальто и выглаженную рубашку, пахнущую крахмалом. На ногах — начищенные до блеска ботинки. Всё было аккуратно, выверено. Воскресенье требовало этого.

Они ели вместе — даже Джон отложил книгу и поел оладий. Никто не разговаривал, только Мэри дважды тихо спросила: «Кофе ещё?»

Путь до церкви занимал двадцать минут. Они шли пешком — семья. Джон впереди, Мэри и Сэм вместе. Дорога пролегла мимо аптекарского сада, потом огибала пруд. У воды часто стояли утки, и Сэм считал их по привычке.

Церковь возвышалась среди деревьев, белая, строгая, с высоким шпилем, словно указующий перст. Колокол звонил негромко — в нём было больше памяти, чем грома.

Пастор Фридман встречал всех у входа — худой, с острыми чертами, холодными глазами и голосом, похожим на лёд.

Его ладонь была крепкой, крепче, чем у отца.

Проповедь была о прощении. О грехе и покаянии. О жертве. О свете, который побеждает тьму. Сэм слушал, опустив голову. Иногда он смотрел на витражи — особенно тот, где мужчина держал агнца на руках.

После службы они возвращались тем же путём. Люди здоровались, женщины кивали матери, мужчины жали руку Джону. Сэм же шёл, будто в стеклянной колбе. Он чувствовал себя хрупким, как фарфор, хотя никто не замечал.

Вечером всё было как обычно — ужин, молитва, чашка чая перед сном. Джон пожелал спокойной ночи и ушёл в гостиную. Мэри зашла в спальню Сэма, поправила покрывало, поцеловала в висок.

— Спи крепко, малыш. Завтра — новый день.

Сэм лежал, прислушиваясь к звукам. Дом, как всегда по воскресеньям, казался чересчур тихим. Полы скрипели особенно громко, даже капли в раковине отзывались эхом.

Он зажмурился. Сделал вид, что уже спит.

Когда скрипнула дверь, он не пошевелился. Не подал виду. Не дышал слишком глубоко. Всё это он умел. Давным-давно.

Он просто наблюдал. И ощущал тьму, мягко заползающую под кожу.

Джон зашел в комнату Сэма и закрыл дверь с обратной стороны...

Подростковые годы Сэма

Прошли годы. Школа постепенно стала частью будней, перемешанных с жизнью, в которой Сэм уже не был тем мальчиком, что когда-то боялся темноты под одеялом. В нём появилось что-то отстранённое, неуловимо, взрослое. Он рос молча, наблюдая за миром и за собой так, будто искал в каждом дне признаки того, кем ему суждено стать.

Сэм начал меняться. Это не было внезапным: голос постепенно становился ниже, скулы обострились, плечи чуть расправились, и вместе с телом росла внутренняя отстранённость. Он много читал, часто уединялся в библиотеке после школы. В те годы он полюбил тишину — ту особую, хрустальную тишину, в которой можно было услышать самого себя. Его любимыми книгами стали морские дневники и старые путевые заметки. Его тянуло к воде, к берегам, которых он не знал.

Он начал рисовать. Не показные картины, а карандашные наброски на тетрадных листах: лица прохожих, силуэты на скамейках, мамины руки, море, которого он никогда не видел. В этом было что-то его, личное. Он часто сидел у окна с альбомом на коленях, погружённый в тишину, пока в доме слышался голос матери или шелест ножа по хлебу. Никто не знал о его рисунках — кроме Элизабет.

Они не дружили открыто, но всегда оказывались рядом. Когда Сэм впервые показал ей свои рисунки — на перемене, в полупустом классе, дрожа от стеснения — она не смеялась, не комментировала. Просто смотрела и кивала, будто точно

понимала, что в этих линиях заключено больше, чем он мог сказать словами.

Потом она начала оставлять ему маленькие записки между страницами его книг в библиотеке: короткие строчки, ку-сочки стихов, странные вопросы. Однажды в записке было написано: «Ты когда-нибудь чувствовал, будто в тебе живёт море?» Тогда Сэм впервые понял, что влюблён.

Весна четырнадцатого года жизни стала особенной. Они часто гуляли после школы. Элизабет любила старую набережную, поросшую травой, и забытые скамейки у пруда. Сэм молча шёл рядом, чувствуя, как присутствие этой девушки делает всё вокруг тише и яснее. Он не признавался ей в чувствах — не смел, не умел, и, возможно, именно это молчание и делало их близость такой настоящей.

Но всё изменилось в один день, когда Элизабет не пришла в школу. Потом была неделя, в течение которой Сэм не находил себе места. Когда она всё же появилась, то лишь сухо кивнула и больше не смотрела ему в глаза. Сэм чувствовал — что-то сломалось. Позже он узнал, что её отец получил работу в другом городе, и они уезжают. Через две недели она исчезла из его жизни.

Сэм не страдал - он просто отпустил, как прилив уходит от берега, что бы не мешать солнцу касаться песка.

Он стал подрабатывать. Сначала – у пекаря: мыл полы, выносил мешки с мусором. Потом – разносил газеты.

Весна перед шестнадцатилетием выдалась ранней. Город

ещё хранил на тротуарах разводы талого снега, но в воздухе уже пахло сырой землёй и каплями с крыш. Сэм всё свободное время проводил с мамой. Она уставала сильнее обычно, иногда садилась на кухне посреди дня и просто молчал.

Сэм все замечал, но молчал, потому что не знал что сказать, а может быть потому, что боялся, если назовёт — это станет правдой.

В доме стало что-то незримо меняться. Мэри всё чаще задерживалась в постели по утрам, а её шаги стали медленнее, будто каждый шаг стоил усилия. Лицо её бледнело, а глаза теряли прежний блеск, но она всё равно улыбалась — так, как будто улыбка могла скрыть то, что происходило внутри.

Однажды она пришла к нему в комнату поздно вечером.

— Сэмми, — сказала она тихо, — я хочу кое-что тебе оставить.

И положила ему в руки маленькую деревянную шкатулку. Там были старые фотографии, письмо в конверте и золотое кольцо с камешком.

— Это твоей бабушке принадлежало. А теперь пусть будет у тебя. Когда-нибудь... когда ты вырастешь, может, ты подаришь его той, которую полюбишь.

Утром, когда Сэм спустился на кухню, он не услышал звона посуды, не почувствовал запаха тостов. Мэри сидела у окна, завернувшись в шерстяной плед, и смотрела на сад. На столе лежала недопитая кружка чая, а рядом — пачка лекарств.

— Мам, — тихо позвал Сэм, присев рядом. — Тебе плохо?

Она повернулась к нему и слабо улыбнулась.

— Просто устала. Всё хорошо, Сэмми.

Но он уже не был ребёнком. Он чувствовал, как по её коже прокатывалась дрожь, как еле заметно блестели глаза. Он начал чаще оставаться дома, приносил продукты, готовил простые обеды. Она пыталась отговорить его:

— Это всё пройдёт. Я просто устала.

Но он видел, как она теряет вес, как голос её становится тише. И однажды, когда она с трудом поднялась по лестнице, он впервые увидел, как сильная, светлая Мэри, его мама, прижалась к стене и заплакала, тихо, сдержанно, будто боясь разбудить весь дом.

Ему было шестнадцать, когда Мэри окончательно слегла. Джон вёл себя отстранённо, почти не замечал происходящего. По вечерам он всё так же сидел в кресле с газетой, не задавая лишних вопросов, будто происходящее не касалось его.

Иногда Мэри просила Сэма почитать ей вслух – он читал тихо, почти шепотом, она улыбалась закрывая глаза.

Последние дни Мэри были странно ясными. В тот самый вечер когда небо горело медным закатом и в доме пахло сиренью, который он поставил в вазу у её кровати Сэм сидел у её постели и она хрупкой, почти прозрачной рукой, взяла его руку и он почувствовал в своей ладони – прощание.

- Мэри умерла в воскресенье.

Город провожал Мэри, как провожают самых светлых людей. С раннего утра лил дождь, холодный, густой, будто небо пыталось умыть землю слезами. У кладбищенских ворот соби­рались люди — соседи, продавцы с лавок, школьные учителя, даже старики из автомастерской. Город пришел проститься.

Сэм стоял под чёрным зонтом, с каменным лицом, сжав пальцы так, что ногти впивались в ладони. Рядом — Джон, в длинном плаще, с неподвижным лицом, будто всё происходящее было сценой, не требующей от него ни участия, ни чувств.

Когда гроб начали опускать в землю, раздался глухой стук дерева о края ямы. Сэм вздрогнул. Его лицо было неподвижным, только губы сжались до белизны. Он не плакал. Ни слезы. Лишь крепче сжал ручку зонта. Казалось, что в эту яму уходило всё — свет, дом, запах яблочного пирога, тихие ма­мины песни, тепло её рук. Всё исчезало.

Кто-то из собравшихся зашептал:

— Она была душой района...

— Никогда не отказывала в помощи...

— Такая добрая женщина...

А Сэм стоял и молчал. Он не слышал ни слов, ни дождя.

Внутри него росла тишина, такая глубокая, что в ней тонул даже собственный голос.

— Прощай, мама, — прошептал он, почти неслышно.

Слова растворились в дожде.

И только сердце слышало

После похорон дом опустел. Джон молчал, Сэм молчал. Стены дышали пустотой. Казалось, что с уходом Мэри исчез воздух, которым они дышали. Сэм ходил по комнатам, собирая её вещи — платки, книги, старые фотографии. И всё пахло ею. Он хранил этот запах, как спасение, как память.

В ту ночь он впервые подумал о побеге.

Глава: Беглец. Первая зима

Он просто вышел — тихо, как призрак, в один из первых по-настоящему холодных вечеров ноября. Дом, который больше не был домом, остался за спиной. Серое небо опустилось низко, будто пыталось накрыть город, и всё, что в нём ещё оставалось живого.

Сэм шёл, не оглядываясь, и в голове не звучало ни одной ясной мысли. Там было пусто. Эта пустота не пугала — наоборот, она казалась правильной. Спокойной. Он шёл в ней, как в молчаливом коконе, оставив позади тяжесть, запахи, голос Джона, тени в ночи. Его шаги были лёгкими, даже радостными. Он наконец уходил. И никто его не звал.

Сначала он просто бродил. Спал в парке, на жёсткой лавке, укрывшись старой курткой. Первую ночь было почти тепло — до тех пор, пока не подул ветер. Потом нашёл авто-

бусную остановку с крышей. Потом — подвал заброшенного дома, в котором пахло гнилыми досками, пылью и остатками чьей-то прежней жизни.

Каждое утро начиналось с поиска еды. Нырять в урны, искать хлеб в мусорных баках у пекарен. Порой находил нечто съедобное — тёплый пирожок, забытый кем-то пакет с яблоком, полбутылки лимонада. Однажды, у супермаркета, ему подали бумажный стакан с горячим бульоном.

На третье утро Сэм впервые по-настоящему замёрз.

Тот сырой подвал, куда он заполз ночью, почти не защищал от ветра: в разбитой кирпичной стене сиял сквозной пролом, и холод втекал внутрь, как вода сквозь трещину в лодке. За рваной тряпкой, прикрывавшей дыру, шуршал снег — лёгкий, почти невесомый, но он затягивал пространство липким морозным запахом.

Сэм проснулся в полумраке. Затёкшее тело будто чужое; пальцы каменными кочками торчали из рукавов, а дыхание вышло белым облачком и сразу же исчезло, впитавшись в ночную духоту плесени. Куртка промёрзла насквозь, ткань на локтях затвердела ледяной коркой. Он попробовал согнуть колени — они хрустнули.

«Ещё пару таких ночей — и я стану льдиной», — мелькнуло.

Он поднялся. Ноги гулко отозвались болью, будто их били палками. В углу подвала, на куче деревянных обломков,

лежали две сухие доски; он нашёл их ещё вчера, но сил на костёр не хватило. Сейчас мысль о тепле обжигала тело. Он приволок доски ближе к железной бочке-печке, перевернул: из-под одной высыпался комок сухих газет.

Спички. Нужны спички. В карманах пусто, бумажник давно продан за еду, а отцовскую зажигалку он потерял, когда ночевал под эстакадой. Сэм вздохнул. Значит, придётся идти на улицу, искать огонь.

Он выбрел из подвала в предрассветный полумрак. Город дремал. Лёгкий снег кружился под фонарями, ложился на мостовую тонкой пылью. Он втянул воздух — пахло каменным холодом и отдалённым дымом.

Дым.

Через квартал дымился железный ящик — уличная бочка-мусорка, набитая картоном. Вокруг копался дворник, старый, сутулый, в ватнике, подпоясанном верёвкой. Он рвал коробки, бросал в огонь. Пламя вспыхивало рывками, освещая его заросшее лицо.

Сэм подошёл ближе, переминаясь с ноги на ногу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.